

СТУДЕНЧЕСКИЕ БЫЛИ

ОБЩЕЖИТИЕ

В университетском общежитии царила удивительная атмосфера абсолютной беспечности. Так свободно, как птицы, люди живут только в молодости – еще не обремененные семьей и материальными заботами.

Осенью в геологическом общежитии поселились две студентки из Германии. Им на двоих предоставили отдельную комнату. Немки купили старенький холодильник и загрузили в него кучу всяких припасов, привезенных из дома. На первом курсе они жаловались куратору группы: «В первый же день заглядывает к нам в комнату незнакомый парень, и спрашивает: «Девчонки, у вас какое-нибудь масло есть?»»

Конечно, у нас есть любое масло – арахисовое, оливковое, подсолнечное, кукурузное, сливочное. Отказать такому красивому парню неудобно. Сначала мы думали, что здесь так принято – брать в долг и потом отдавать. Через пять минут другой парень интересуется, есть ли у нас картошка. И так целый день. Наконец, мы поняли, что все просят честно, просто так, без всякой отдачи. И все хорошие ребята, каждый с тобой поделится последним. Но у нас в Германии так не принято», – говорили они чуть не плача.

На пятом курсе, после защиты дипломной работы, уже порядком обрусевшие немки, снова жаловались куратору:

«Даже не знаем, как теперь будем жить в Германии. Все немцы такие жадные, просто ужас!»

В октябре наш курс послали на уборку турнепса. После работы, прихватив с соседнего поля несколько кочанов капусты, мы всей группой направились в общежитие. По дороге купили бутылку красного сухого вина и хлеб.

В общежитии я вызвался жарить капусту, и мне дали глубокую чугунную сковородку. На кухне оказалось, что не одни мы такие умные и на семи конфорках двух газовых плит тоже жарилась капуста. Я поставил на огонь сковородку и поспешил назад в комнату, где ребята уже пили вино, закусывая его теплым черным хлебом с растительным маслом. Постного масла в общежитии было в достатке. Отец одного географа каждый месяц привозил из деревни своему сыну целую бутылку отборного подсолнечного масла.

Через десять минут мы с Володей Абрамовым отправились помешать капусту, но обнаружили, что нашей сковороды на плите нет. По наивности, я подумал, что кто-то перепутал и взял нашу сковороду вместо своей, но опытный Абраша сразу все понял. Выскочив в коридор, он повел длинным носом, помчался к выходу, спустился по лестнице этажом ниже и без стука открыл дверь комнаты.

За столом у окна сидели два парня. Между ними стояла бутылка с мутноватой жидкостью, граненые стаканы и наша сковорода с жареной капустой.

Щуплый востроносый парень с косой челкой смотрел на нас с испугом, зато другой – широкоплечий Бугай с борцовской шеей и маленькой головой был готов к драке.

Мы знали, что на этом этаже жили географы, которые для геологов – коллеги. Драки между нами случались чрезвычайно редко, разве что по большой пьянке. А уж с географинями у геологов всегда были самые тесные отношения.

Географы, конечно, сразу поняли, что мы зашли не в гости, а за сковородкой.

– Не журитесь, хлопцы, – примирительно заявил Бугай, – дывытесь, земляк в гости зашел, горилку принес, а жрать нечего, даже хлеба нема. Целый чемодан сала был – все раздал. Побежал к знакомым геологам хлеба стрельнуть, а на кухне восемь сковородок на плите стоят. И такой запах, что в голове все помутилось. Вот, бес и попутал. Ну, шо мы теперь драться из-за капусты будем?

Абраша подошел к столу и решительно взялся за ручку сковороды.

– Хлопцы, сидайте с нами, выпьем горилки, грех с души смоем, – весело заявил Бугай, сообразивший, что драки не будет.

Абраша молча поставил сковородку на место и махнул мне рукой. Мы еще ни разу в жизни не пробовали настоящую горилку. Щуплый налил в стаканы опалесцирующий, как лунный камень, напиток.

– Мыкола, харэ, харэ, харэ! – вдруг замахал руками Бугай, показывая, что в этот стакан наливать достаточно.

– Петро, та це ж тэбе, – удивился Мыкола.

– Мне? Шо, так мало? Тады налей ещё.

Мы поняли, что ребята просто дурачатся.

Чокнулись, Петро выпил и так громко крикнул, что я вздрогнул.

– От це гарно! – заявил он, вытирая усы.

Самогонка была очень крепкая, и мы с Абрашей сразу окривели от первого глотка. Поблагодарив за угощение, собрались уходить. Петро уговаривал нас остаться и, хлопая ладонью по пузатой бутылки, соблазнял:

– Та шо тут питы?

– Нас ждут друзья, – твердо заявил Абраша.

– Тады отсыпьте нам трохи капусты, – попросил Петро, – а хлеба там у вас нема? Хоть четвертушку?

Мы вернулись в нашу комнату со сковородой, двумя географами и бутылью с самогоном. Не успели выпить по первой, как открылась дверь, и на пороге появился старшекурсник – секретарь нашей факультетской комсомольской организации. Он сурово посмотрел на нашу веселую компанию и его взгляд лишь на секунду задержался на ополовиненной бутылки и дымящейся сковороде, как на неоспоримых вещественных доказательствах морального растления.

– Удав, – обратился он к хозяину комнаты, – ты брал у меня сковородку две недели назад? – От запаха жареной капусты голодный спазм сдавил горло старшекурсника, и острый кадык на его горле прокатился снизу вверх.

– Брал, – смущенно ответил хозяин.

– Обещал, что вернешь через час?

– Да.

– Так я её забираю.

Старшекурсник подошел и молча взял сковородку с капустой. Мы хором стали уговаривать его остаться и выпить вместе с нами, на что он немедленно согласился.

Между нами и географами разгорелась дискуссия о том, какая наука появилась раньше – география или геология. Географы утверждали, что древние люди должны были уметь ориентироваться на местности,

запоминать и передавать своим потомкам географические ориентиры. Мы возражали, указывая на то, что умение ориентироваться на местности присуще многим животным – рыбам, птицам, насекомым и никак не может рассматриваться как географические знания. А вот когда древний человек впервые взял в руки камень как орудие, то он уже стал геологом, так как должен был понимать, что камень должен быть прочным как кремний, а не рыхлым, как мрамор. И это свое знание и умение обрабатывать камень он должен был как-то сообщать потомкам, именно так и появился язык.

В конце концов все пришли к выводу, что Мать Геология и Мать География были родными сестрами и, следовательно мы с географами приходимся двоюродными братьями, то есть братанами. На этой торжественной ноте мы прикончили мутную горилку.

Нам захотелось продемонстрировать географам, что Матери Геологии повезло с сыновьями больше, и мы решили на глазах географов «порвать парус». Песня Владимира Высоцкого «Парус» была самая забойная на геологическом факультете. Когда наша группа радиоактивщиков «рвала парус» на восьмом этаже общежития, то от напора звука дрожали стены, а однажды целиком вылетело оконное стекло.

Привлеченная нашим мужественным хоровым исполнением песен, с первого этажа пришла комендант общежития в сопровождении двух дружинников. Но пустую бутылку уже спрятали в шкаф, а громкое пение не такой уж большой криминал.

«Геологи без песен – как журналисты без вранья», – уверяли мы коменданта.

Будучи в прошлом педагогом – завучем школы, комендант собралась умерить наш запал и рекомендовала переключиться на какие-нибудь тихие игры, например шахматы.

Я тут же вызвался дать сеанс одновременной игры вслепую на пятнадцати досках. По крайней мере в дебюте я определенно превосходил Великого Комбинатора. Во всяком случае, если бы мне только разрешили ходить за противника, то я вlepил бы мат в три хода любому гроссмейстеру. Однако выяснилось, что в распоряжении коменданта имелось всего две коробки с шахматами и, следовательно, от грандиозного матча, сулящего вечную славу общежитию, придется отказаться. Дружинники заинтересовались сеансом одновременной игры, позволявшим им скоротать нудное дежурство. Я предложил дружинникам спуститься вниз и немедленно начать интенсивные тренировки.

Комендант предупредила, что если еще раз услышит наши вопли и снова застанет «оргию», то пригласит участкового и напишет в деканат. Нас такая угроза не испугала, так как декан относился к нам очень лояльно. Конечно, иногда он устраивал нагоняи и даже хмурил густые седые брови, но потом говорил:

«Какие вы у меня все-таки хорошие ребята. Придешь в ректорат на совещание, гуманитариев склоняют по всем статьям: фарцовка, наркомания, антисоветчина! Просто жуть! А у геологов и географов всего и криминалу-то – пьянка и драки».

Мы заверили коменданта, что все будет в порядке, и решили перейти к тихим играм. Я вспомнил одну чудесную тихую игру под названием «луноход». Играющие по жребью определяют ведущего. Он становится на четвереньки, ползет вокруг стола и говорит: «Я луноход один, я луноход один». Тот, кто засмеется первым, тоже становится на четвереньки, ползет за ведущим и после его фразы: «Я луноход один»

произносит: «Я луноход два, я луноход два», и так далее, пока все играющие не выстраиваются в цепочку за ведущим. Мы поиграли пять минут и все оказались на четвереньках.

Тогда, я сообщил, что являюсь экстрасенсом, и только преданность геологии и врожденная скромность не позволяют мне выступать на профессиональной сцене.

Быть экстрасенсом очень легко, гораздо проще, чем играть в шахматы. Главное здесь – это хорошие помощники. Я объявил, что сейчас выйду за дверь, а ребята могут приподнять и вернуть на место любой предмет на столе. После чего я вернусь и угадаю, что именно трогали.

Главное при отгадывании это поведение экстрасенса. Грамотно подать условный сигнал может любой помощник.

Я вошел в комнату, после того как играющие сообща приподняли и аккуратно вернули на место кружку. Взяв за руку скептически настроенного геофизика, который громче всех кричал, что все экстрасенсы жулики, я нащупал у него пульс, а затем, внимательно глядя ему в глаза, стал водить его рукой над предметами на столе. На самом деле я боковым зрением внимательно наблюдал за помощниками в ожидании, когда мне подадут сигнал. В тот момент, когда рука геофизика находилась над кружкой Абраша, стоявший рядом переступил с ноги на ногу. Я изобразил дело так, как будто у геофизика участился пульс, поднял кверху кружку и объявил:

– Вот, этот предмет!

Но студенты народ ушлый. Геофизика, заподозренного в пособничестве экстрасенсу, тут же отстранили от участия в дальнейших опытах. Двух человек приставили следить за Абрашей, чтобы установить, не подсказывают ли он мне каким-нибудь хитрым образом. Но добровольных помощников находилось всегда множество, особенно из тех, кто хоть раз участвовал в опытах и знал суть игры. По мере того как выгоняли за дверь подозреваемых, в игру по очереди вступали новые помощники. У нас было такое правило: чтобы между помощниками не было разнобоя, тот который собирался подсказывать, чесал затылок, и мне сразу становилось ясно, кто же будет помогать мне в следующий раз.

Больше всех кипятился Серега Володько – единственный в нашей группе почему-то не знавший суть фокуса и утверждавший, что это сплошной обман, и этого не может быть никогда.

– Вот если ты для меня одного угадаешь, то я тебе поверю, – горячился Серега.

– В этом опыте окружающие также необходимы, как и сам экстрасенс, – объяснял я Сереге, – зрители сообща создают мощное донорское поле, которое усиливается по мере моего приближения к загаданному предмету и соответственно воздействует на реципиента. Я беру тебя за руку и двигаюсь к загаданному предмету. Ты пытаешься меня обмануть, напрягаешься, как кабан, но общественное поле усиливается и, в конце концов, заставляет твоё сердце биться чаще по мере сближения с загаданным предметом. И чем больше народу, тем сильнее поле и тем легче и быстрее работать с реципиентом. Понятно?

После такого смутного, но вполне правдоподобного объяснения Серега заявил:

– Хорошо, пускай в комнате останутся только я, Вася Семуков и географы.

Такой вариант меня вполне устраивал, так как Вася Семуков уже участвовал в подобных опытах. И хотя он был закадычным другом Сереги, но помог бы мне наверняка.

Все толпой вышли в коридор и через минуту вместе со мной вернулись в комнату по приглашению Сереги. Работать при таком скоплении народа одно удовольствие. Я взял Серегу за руку и, подержав её немного для виду, объявил пульс:

– Шестьдесят пять, – и стал водить рукой над столом. Серега, чтобы сбить меня с толку, напрягся так, будто у него столбняк в последней стадии.

Вася незаметно показал мне, что хитрый Серега поднимал три предмета.

– Шестьдесят шесть, шестьдесят семь, шестьдесят восемь, – считал я увеличение воображаемого пульса по мере приближения к загаданным предметам.

Серега, пытаясь обмануть меня, снова напрягся.

– Послушай, мы договаривались, что ты поднимешь только один предмет, – я отпустил Серегину руку, – а ты трогал вот эти три.

Все заорали, как на стадионе, и я испугался прихода коменданта.

– Всё равно, не верю! – упрямо кричал Серёга.

Но было ясно, что на самом деле он верит.

Неожиданно появился Мыкола с литровой бутылкой самогонки, которую торжественно грохнул на стол. Успех маленького географа затмил мои достижения, и все заорали ещё громче. Студентов набралось столько, что всем досталось лишь по глотку жгучей жидкости.

Народ жаждал зрелищ, и я решил дать сеанс гипноза. Все уже почему-то побаивались моих гипнотических способностей, и добровольцем вызвался Абраша. Я посадил его на стул посередине комнаты, дал в руки блюдо с налитой в него водой и принялся делать гипнотические пассы. Абраша так натурально придурился, изображая загипнотизированного реципиента, что я чуть было не уверовал в собственные магические возможности.

Тут появился геофизик Влад и стал публично отрицать силу медитации, а меня с Абрашей обозвал шарлатанами.

Влад имел на меня большой зуб. Две недели назад у него в комнате собралась компания. Я подослал к ним Женю Говорова.

«Идите скорее и посмотрите, что у Володи Семушина в комнате делается», – предложил Женя веселой компании.

Толпа направилась к Володе Семушину. На дверях висело объявление:

КОМНАТА СМЕХА

(смех до упаду)

ВХОД СВОБОДНЫЙ

(входить по одному)

Народ не очень-то хотел заходить, и тут Влад стал выпендриваться: «Никто не сможет меня рассмешить», – заявил он.

«Тогда, зайди», – подначил его Женя.

Влад постучался и открыл дверь. В комнате было темно.

«Есть тут кто-нибудь?» – неуверенно спросил он, стоя на пороге.

«Есть, заходи, – пригласил Володя, – только дверь за собой закрой».

Влад закрыл дверь и сделал два шага вперед. Мишка с Абрашей выскочили из настенных шкафов, схватили Влада за руки и развернули лицом к двери. Я зашел сзади и принялся щекотать Влада. Он хохотал как

сумасшедший. Ребята открыли дверь и я, наградив Влада добрым пинком в зад, вытолкнул его в коридор.

«Ну, как?» – встретили его приятели, слышавшие гомерический смех.

У Влада хватило сообразительности не возмущаться и только произнести: «Во!», показав большой палец.

К нам в комнату тут же постучал новый любитель «смеха до упаду». В тот вечер нам удалось обслужить ещё трех человек. Последний оказался болтун и растрепал по всему общежитию о наших приёмах смешить людей.

Народ требовал продолжения сеанса гипноза.

– Садись, – предложил я Владу, – если не боишься.

– В гробу я видел твой гипноз, – усмехнулся Влад.

Ребята подзадоривали Влада насмешками. Он с презрительной grimасой сел на стул, закинув нога на ногу. Я дал ему в руки блюдце с водой. Только доньшко у этого блюдца мы заранее закоптили сажей. Вода была нужна для того, чтобы реципиент случайно не перевернул блюдце, и не увидел закопченное доньшко.

– Ты должен держать блюдце горизонтально и повторять все мои движения, не улыбаться и не хихикать.

– Улыбки ты от меня не дождешься, – предупредил Влад.

– Так, все замолчали. Влад, расслабься, внимательно смотри и повторяй мои движения.

Я взял в руки блюдце и сел напротив Влада, сверля его гипнотическим взглядом. У Влада на лице блуждала презрительная ухмылка. Я провел пальцем по доньшку своего блюдца, Влад в точности повторил моё движение и на доньшке своего блюдца набрал на палец сажу. Я провел пальцем под носом, Влад тоже, и на верхней губе у него появилась жирная черная полоса. Ребята от неожиданности зашумели, но мы ни на кого не обращали внимания. Я еще раз провел по доньшку блюдца и сделал мазки на щеках и на лбу. Влад прилежно все повторил, и его физиономия стала напоминать лицо вождя индейцев, вышедшего на тропу войны в боевой раскраске. Народ хохотал до слез, и только два человека были невозмутимы – я и Влад.

Наконец, сажа на доньшке его блюдца закончилась, и лицо Влада приобрело воинственное и свирепое выражение.

– Ладно, – сказал я, – не удалось тебя загипнотизировать, напрягаешься сильно в следующий раз.

– Никогда тебе не удастся меня загипнотизировать или рассмешить, – торжественно объявил Влад, – никогда!

– Вообще-то я не тебя собирался смешить. А хочешь, другой опыт сделаем, – предложил я Владу – может он получится?

Влад усмехнулся, чувствуя себя героем и принимая смех окружающих за признание своей победы.

– Давай, – согласился он.

– Я сейчас выйду за дверь, а ты замри в какой-нибудь необычной позе, и я при свидетелях угадаю, как ты стоишь.

– Хорошо, выходи за дверь.

– Только, когда встанешь в позу, то обязательно крикни мне: «Как я стою». Понял?

– Быстрее, – поторопил меня Влад.

Я вышел за дверь с двумя свидетелями, а Влад остался в комнате с несколькими ребятами.

– Ну, как я стою? – крикнул он.

– Как дурак! – громко ответил я и открыл дверь.

Действительно, Влад стоял в нелепой позе на одной ноге, закинув другую ногу за голову. Меня приветствовали аплодисментами.

Но нет такой песни, которая бы не кончалась, и нет такой компании, которая бы не расходилась. Надо было отчаливать домой. Мы ленинградцы помчались к метро. Абраша с Мишкой ехали на Горьковскую, а нам с Васей Семуковым надо было делать пересадку на Невско – Василеостровскую линию. Вася жил на Васильевском острове, а мне надо было на площадь Александра Невского.

На станции Невский проспект мы рванули по переходу на Гостиный Двор и вместе заскочили в электричку.

– Ты куда едешь? В Невский район? – с усмешкой спросил я Васю.

– Нет, мне на Василеостровскую.

– Так тебе же надо было в обратную сторону.

– Это тебе надо было в обратную сторону.

Электричка остановилась, двери открылись, и мы прибыли... на Василеостровскую. Вася довольно ухмыльнулся. Это была последняя электричка. Метро закрылось.

– Пошли ко мне ночевать, – предложил Вася, – у меня есть спальник, ляжешь на полу.

– Нет, пойду домой.

– Пешком тут километров двенадцать будет.

– Не в первый раз, – я махнул на прощанье рукой и отправился домой за Невскую заставу.

Холодный сентябрьский ветер рассеивал над ночным городом мелкий дождь. Я шел вдоль пустынных гранитных набережных, мимо печальной вереницы фонарей, окруженных матовыми ореолами. Непривычно безлюдный Невский проспект уходил в бесконечность, словно путь в другую галактику. На кладбище Александро-Невской лавры я присел на каменную скамейку около одной из могил для тренировки нервов и силы воли. Вдруг за решеткой кладбищенской ограды показалась шумная ватага ребят.

– Эй, парень! – окликнул меня звонкий девичий голос. – Ты что, покойников не боишься?

– А чего нас бояться? – просто ответил я.

– Давай к нам, покойничек, – весело закричали ребята, – мы тебя не боимся!

Я перелез через ограду и присоединился к веселой компании. У студентов Электротехнического института была гитара. Мы гуляли вместе до самого утра и дружно пели:

«Приметы каждой осени просты,
Обычные, привычные приметы,
Деревья в срок сдают свои листья,
Грустят о них зеленые поэты.

Сурово тучи смотрят на людей,
Над городом висят, как на канате,
Надолго расписание дождей
Составлено в небесном деканате».

Домой я вернулся, когда родители собирались на работу, быстро разделся и сходу завалился на свой диван.

– Мне сегодня опять ко второй паре, – предупредил я родителей, засыпая.

